

О семиотических характеристиках возможных теорий перевода

© 2020

Сурен Тигранович Золян

Балтийский федеральный университет им. Им. Канта, Калининград, Россия;
Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия;
Институт философии, социологии и права НАН Армении, Ереван, Армения;
surenzolyan@gmail.com

Аннотация: За последние полвека теория перевода последовательно движется по пути разграничения типов перевода и дифференциации лежащих в их основе семиотических операций и областей их применения. Встает вопрос: переводимы ли сами различные теории перевода? Основываясь на уже высказанных концепциях — в первую очередь Р. Якобсона, а также В. Беньямина, Б. Малиновского, У. Куайна, А. В. Федорова, М. Л. Гаспарова, Ю. М. Лотмана, Н. С. Автономовой, — можно убедиться, что эти теории отличаются не столько сферой приложения (перевод художественный, технический, синхронный и т. п.), сколько аксиоматикой, они образуют некоторое семейство лингвистических, семиотических и герменевтических базовых теорий перевода. Переводоведческая относительность — то есть несводимость получаемых описаний переводческих практик и переводов и допустимость множественной интерпретации — может быть рассмотрена как следствие таких глубинных характеристик самого перевода, как его многовариантность, неопределенность (недоопределенность), относительность, неполнота (неполная переводимость), дополнительность и контекстуализм. Относительность распространяется и на такие ключевые понятия теории перевода, как эквивалентность и инвариант: они рассматриваются не как данные и лишь подлежащие выявлению, а как контекстуально зависимые и конструируемые переменные.

Ключевые слова: инвариант, история лингвистики, перевод, теория языка, Якобсон Р. О.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01536 «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций») в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Для цитирования: Золян С. Т. О семиотических характеристиках возможных теорий перевода. *Вопросы языкознания*, 2020, 1: 65–83.

DOI: 10.31857/S0373658X0008297-5

On semiotic characteristics of possible theories of translation

Suren T. Zolyan

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia;
Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Institute of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Armenia;
surenzolyan@gmail.com

Abstract: Over the past half century, the theory of translation has been consistently moving along the path of distinguishing between types of translation and differentiation of the semiotic operations underlying them and areas of their application. The question arises — are the various translation theories themselves translatable? Opposing points of view are put forward regarding the most basic concepts — as equivalence, translatability / non-translatability, invariant or its absence, etc. Based on the conceptions already

expressed — primarily by R. Jakobson, as well as by W. Benjamin, B. Malinowski, W. Quine, A. Fedorov, M. L. Gasparov, Yu. M. Lotman, N. S. Avtonomova, one can conclude that the theories differ not so much by domains of their application (artistic, technical, synchronous and other types of translation), but by their axiomatics. It may be described as a family of linguistic, semiotic and hermeneutic basic theories of translation. The traductological relativity — i. e., the incompatibility of different translation practices and translations and acceptability of multiple understandings — is considered as a consequence of such profound characteristics of translation as its multivariance, indeterminacy, relativity, incompleteness (incomplete translatability), complementarity and contextualism. This approach extends to such key concepts of translation theory as equivalence and invariant: they are considered not as given phenomena that are only to be revealed, but as contextually sensitive and constructed variables.

Keywords: history of linguistics, invariant, Jakobson R. O., linguistic theory, translation

Acknowledgments: The research is supported by the Russian scientific foundation, project No. 17-18-01536.

For citation: Zolyan S. T. On semiotic characteristics of possible theories of translation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 1: 65–83.

DOI: 10.31857/S0373658X0008297-5

1. О семиотических типах перевода: возможные уточнения теории Р. Якобсона

Как известно, понятие перевода обособляется сравнительно поздно — начиная с Квинтилиана. Примечательно, однако, что, терминологически не разграничивая перевод, метафору и объяснение (интерпретацию)¹, Цицерон в то же время различал два несводимых друг к другу метода перевода — перевод слов (метафразы) и перевод смыслов (перифразы): [Robinson 1992; Novokhatko 2016]. В настоящее время процесс размежевания различающихся по методам и объектам теорий перевода, кажется, достиг апогея. Противоположные точки зрения выдвигаются относительно самых основных понятий — эквивалентности, переводимости / непереводимости, инварианта или его отсутствия и т. п. Неясно, и что именно подлежит переводу: слова, тексты, смыслы, интенции, контексты? Сопоставимы ли различные теории перевода или это уже перестало иметь какое-либо значение — задает вопрос один из наиболее авторитетных экспертов в этой области:

«Как представляется, есть больше свидетельств о фрагментированности (исследований по переводу), нежели об их целостности (consilience). Исследователи перевода продолжают использовать многочисленные различные типы данных, методы и теоретические основы, и они вовсе не все придерживаются одних и тех же эпистемологических и онтологических допущений. Они могут разделять самую общую цель лучше понимать процесс перевода во всех его формах. Но нет никакого согласия относительно того, как может выглядеть целостная “общая теория перевода в целом” (“General Theory of All Translation”), ни даже о том, была бы такая теория желательной, полезной или даже возможной. Возможно, что и это не имеет значения» (перевод наш. — С. 3.) [Chesterman 2019: 15].

¹ Ср.: «Любопытно совпадение римской терминологии для “перевода” с терминологией для “метафоры”. Хотя мы, современные люди, считаем, что перевод — это всегда преобразование, наш лексикон не проследивает эти два процесса до идентичных буквальных значений с разными переносными расширениями. В переводе с латыни переводить — это “превращать” один текст в другой или “переносить” текст с одного языка на другой (vertere, transferre; причастие translatum). В то же время “поворотить” (turn) фразу или “перенести” термин — это также означало создать метафору. Другими словами, и перевод, и метафора развивались из базовых понятий (basic language) поворота, изменения или переноса (turning, changing, or transferring)» (перевод наш — С. 3.) [Bartsch 2016: 30–31].

Ответом на этот вопрос может стать уточнение семиотических основ возможных теорий перевода в общем контексте трансфера смыслов и концептуальных систем. Можно выделить три основных типа трансферов, или интерпретаций знаков одной системы посредством других знаков той же или отличной знаковой системы и несколько видоизменить ставшую общепринятой типологию Романа Якобсона [1959/1978], предложившего разграничивать следующие типы перевода: внутриязыковой (перифразирование, *gewarding*), межъязыковой (собственно перевод, *translation*) и межсемиотический (трансмутация, *transmutation*). Если основываться на кардинальной дихотомии «означаемое — означающее», эта схема примет несколько иной вид. Будем различать:

- а) изменение означаемого при том же означающем, но употребленном в измененном контексте (троп);
- б) изменение означающего на другое той же знаковой системы при эквивалентном означаемом (перифраза);
- в) изменение означающего при эквивалентном означаемом, но, в отличие от предыдущих случаев, такое, что принадлежит уже другой знаковой системе (перевод в случае однородных знаковых систем и трансмутация — разнородных).

Такая переформулировка позволяет увидеть, что изменение значения знака и при его переносном употреблении (собственно троп), и при его преобразовании в другой знак, но той же знаковой системы (перифраза), и при его замене на другой знак другой системы (собственно перевод) — все эти процессы имеют единую семантическую природу, хотя и различаясь семиотическими инструментами или репрезентациями. Это и может быть положено в основу для разграничения различных типов трансфера и описывающих его теорий, в которых по-разному представлено, что и как переносится и что и как изменяется: означаемое или означающее.

Уже само понятие перевода одновременно предполагает и перенос, и изменение. При этом перевод традиционно понимался как межъязыковое преобразование означающих, а изменение смыслов, если и фиксировалось, то описывалось как нечто вынужденное, обусловленное различием знаковых систем. Но изменение смыслов может рассматриваться не только как неизбежное «зло», но и как «благо». При изменении подхода к непереводимому акцентируется уже не то, что утрачено, а происшедшее при этом преобразовании приращение смыслов. Объединение этих подходов возможно как своего рода возврат к «цицероновскому» пониманию перевода — это и межъязыковое преобразование знака, и изменение его значения, одновременная операция и над означаемым, и над означающим.

Однако семиотическая переформулировка стройной схемы Р. Якобсона недостаточна. Вышеописанные отношения не равнозначны: так, если в случае тропов можно говорить об «одном и том же» означающем, то применительно к означаемым можно говорить только об **эквивалентности**. Но при этом остается непоясненным, какова степень эквивалентности: полагается ли она как стремящаяся к единице (условно говоря — это структуралистские «теории переводимости») или к нулю (это будут «догмы непереводимости» различной степени, вплоть до минималистской теории Вальтера Беньямина). Во втором случае будет действовать внутренняя логика несимметричной обратной теории, или даже анти-теории перевода. Эта теория будет нацелена на выявление новых смыслов, отсутствующих в оригинале, поэтому постструктуралистские (или неоцицероновские) теории будут акцентировать не неизбежные потери смысла, а их вольное или невольное приращение. Моделью (в логическом смысле) этой теории будет именно обратный перевод — хорошо известно, что он приводит к порождению нового текста, который может значительно отличаться от оригинала. В такой теории «анти-перевода» семантически релевантным оказывается то, что переведено быть не может или даже что не является переводом (например, отсутствующие в оригинале смыслы):

«Чем труднее и неадекватнее перевод одной непересекающейся части пространства на язык другой, тем более ценным в информационном и социальном отношениях становится факт этого парадоксального общения. Можно сказать, что перевод неперево­димого оказывается носителем информации высокой ценности» [Лотман 1992: 15].

Другой вытекающей из вышеприведенной типологии Якобсона спорной характеристикой оказывается ее «знакоцентризм», или «словоцентризм». Якобсон исходит из того, что перевод — это установление соответствий между отдельными единицами языка. Между тем как подлежащие соотнесению могут рассматриваться не только единицы, но и целые тексты, и даже концептуально-семиотические системы (ср. с появившимися в последнее время такими разновидностями «не-языкового» перевода, как «культурный», «политический» и т. п.). И то и другое понимание вполне укладывается в привычные семиотические представления об эквивалентности, и оба они могут соседствовать даже в рамках одной концепции. Так, Л. Витгенштейн [1958: 43, 46] дает два определения эквивалентности. Первое относится к переводу и достаточно традиционно. Перевод определяется как корреляция между лексическими элементами двух языков (Трактат, 4.025; 3.343). Однако согласно второму, перевод есть целостное отображение, основанное на отношении внутренней иконичности между семиотически различными текстами и системами:

- «4.012. Очевидно, что предложение формы “*aRb*” мы воспринимаем как образ. Здесь, очевидно, знак есть подобие обозначаемого.
- 4.013. И если мы проникнем в сущность этой образности, то увидим, что она *не* нарушается *кажущимися нерегулярностями*. . . Потому что эти нерегулярности тоже отражают то, что они должны выразить; но только другим способом. . .
- 4.0141. В том, что есть общее правило, благодаря которому музыкант может извлекать из партитуры симфонию, благодаря которому можно воспроизвести симфонию из линий на граммофонной пластинке и — по первому правилу — снова воспроизвести партитуру, — в этом заключается внутреннее сходство этих, казалось бы, совершенно различных явлений. И это правило есть закон проекции, который проектирует симфонию в языке нот. Оно есть правило перевода языка нот в язык граммофонной пластинки» [Там же: 45].

Характерно при этом, что «кажущиеся нерегулярности», которые можно соотнести с «непереводимым», также отражают то, что они должны выразить; но только другим способом. Здесь можно увидеть еще одну дилемму: между тем, что должно быть выражено, и тем, что можно понимать под другим способом. Есть принципиальное отличие между приводимыми Витгенштейном и не разграничиваемыми в «Трактате» примерами проекции: воспроизведение партитуры симфонии оркестром есть уникальное событие интерпретации, допускающее значительную степень вариативности и вносящее в исходный текст новое содержание. Однако воспроизведение этого события при проигрывании граммофонной пластинки есть операция, параметры которой могут варьироваться исходя из технических характеристик пластинки и граммофона, но никак не самой симфонии.

Двоякость и неконгруэнтность (взаимо-не-переводимость) определений перевода в «Трактате» отображают многообразие ипостасей, в которых может выступать то, что подлежит переводу: понимается ли исходный текст-оригинал как набор синтаксически связанных лексических единиц (и тогда возможно установление между оригиналом и переводом поэлементных соответствий) или же как некоторая целостная семантико-прагматическая структура, и тогда переводом оказывается целостная картина, некоторые элементы которой не будут иметь соответствий (как, например, упоминаемым Витгенштейном знакам *бемоль* и *диез* не будут соответствовать какие-либо отдельные звуки).

Но при этом важно понять, что и то и другое, хотя и логически взаимоисключают друг друга, в реальности взаимосвязаны: как различные аспекты, грани, операции и типы

перевода, понимаемого и как процесс, и как продукт. В первую очередь, следует прояснить возможные соотношения между соотносимыми языками и создаваемыми на них текстами и дискурсивными практиками. Это позволит разграничить различные типы переводимости / непереводимости, контекстуализации, контекстной зависимости, приобретения / потери смыслов и т. п., а также выделить основные способы перевода и его базисные элементы (смыслы, концепты, знаки, слова, предложения, тексты, контексты, ситуации) — что именно считается подлежащим переводу. Исходя из этого на следующем этапе в рамках той или иной теории некоторые будут выделены как исходные, другие — как выводимые из них. Все это может стать основой для построения различных теорий перевода, отличающихся друг от друга как набором исходных единиц анализа, так и аксиоматикой. Очевидно, что обсуждению возможности подобного расширения должно предшествовать прояснение вопросов переводимости и непереводимости (степени эквивалентности) самих теорий перевода. Сосредоточимся на таких ключевых характеристиках, как множественность, неопределенность и несимметричность перевода и обусловленная этим множественность и неконгруэнтность самих теорий перевода, в которых могут по-разному интерпретироваться сами ключевые понятия эквивалентности и инварианта.

2. О критериях перевода:

концепция относительности поэтического перевода

Теория относительности поэтического перевода — так мы предложили назвать концепцию, основанную на относительности критериев оценки перевода [Золян 2017]. Это было развитием идеи, высказанной пятьдесят лет назад М. Л. Гаспаровым и Н. С. Автономовой:

«Нет переводов вообще хороших и вообще плохих, нет идеальных, нет канонических. Ни один перевод не передает подлинника полностью: каждый переводчик выбирает в оригинале только главное, подчиняет ему второстепенное, опускает или заменяет третьестепенное. Что именно он считает главным и что третьестепенным — это подсказывает ему его собственный вкус, вкус его литературной школы, вкус его исторической эпохи» [Автономова, Гаспаров 1969: 112].

Тогда такое утверждение резко расходилось с господствующими в переводоведении взглядами. Между тем возможность различных переводов сегодня сомнению не подвергается, признано также и то, что невозможно определить, который из них должен считаться наиболее адекватным. Относительность поэтического перевода проявляется в том, что текст может быть переведен по-разному, на основе различных стратегий, в зависимости от того, **что считать главным** применительно к тому или иному контексту, будь то контекст создания текста или современный переводчику и т. п. Более того, за это время сформировалась и громко заявила о себе концепция непереводимости текста, причем степень непереводимости и есть ключевая семантическая характеристика текста, а «смыслом» оказывается не-инвариантный компонент:

«Комбинация переводимости — непереводимости (с разной степенью того и другого) определяет креативную функцию. Поскольку смыслом в данном случае оказывается не только тот инвариантный остаток, который сохраняется при разнообразных трансформационных операциях, но и то, что при этом изменяется, мы можем констатировать приращение смысла текста в процессе этих трансформаций» [Лотман 2000: 159].

Такой подход знаменовал отказ от характерного для структурализма определения смысла как инварианта при переводе [Пильщиков 2016]. В таком случае не отдельный перевод, а только множество переводов одного текста может быть идентифицировано

как его смысл: смыслом текста будет не пересечение его трансформов («инвариант»), а объединение. Как писал М. Л. Гаспаров автору этих строк относительно нашего анализа русских переводов Нарекаци [Золян 1988], «мысль о том, что великие вещи должны существовать в нескольких переводах для разных читателей (так что и Гребнев кому-то нужен) для меня родная» (письмо от 14.04.1988 г.). Соответственно, обязательным оказывается наличие множества вариантов, по разным параметрам соотносимых, с одной стороны, с текстом-оригиналом, а с другой, с множеством внетекстовых факторов (вкусы переводчика и читателя, литературная среда, предшествующая традиция, языковые изменения и т. п.).

Однако возникает вопрос: если нет критериев, по которым определяется лучший из переводов, то можно ли говорить о самой возможности теории, или теория уступает место критике (поскольку это вопрос **вкуса**)? Более того, сами эти критерии оказываются не только относительными, но и приводят к искажению оригинала и «насилию» над текстом:

«Перевод “вольный” стремится приблизить подлинник к читателю и поэтому насилует стиль подлинника; перевод “буквалистский” стремится приблизить читателя к подлиннику и поэтому насилует стилистические привычки и вкусы читателя» [Гаспаров 1988: 61].

Эта мысль, выраженная в академической статье как стертая метафора, в «Записках и выписках» получает уже буквальное значение и звучит как приговор:

«Переводчик должен искать компромисса между насилием над подлинником и насилием над своим языком”. Это также невозможно, как убийце искать компромисса, убить одного или другого. Можно, конечно, убить обоих (переводчики часто так и делают), но это будет уже не компромисс, а перевыполнение плана» [Гаспаров 2000: 370].

Если продолжить эту логику, то множество переводов — это множество трупов, и если ни один из них не может быть признан адекватным, то и все их множество также не может считаться адекватным выражением смысла. Гаспаров перевел в криминальную плоскость то, что было сказано Вильгельмом Гумбольдтом (по сути повторившим ранее сказанное Гете и Шлейермахером):

«Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счет своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно» (цит. по [Федоров 1983: 31]).

Между тем практика свидетельствует, что переводчики неким образом решают эту «невозможную» задачу. Поэтому метафору «насилия» обычно заменяют метафоры «волшебства» и «чуда»:

«Стремиться передать создания поэта с одного языка на другой, — это то же самое, как если бы мы бросили в тигель фиалку, с целью открыть основной принцип ее красок и запаха”. Это слова Шелли. Разложить фиалку в тигеле на основные элементы и потом из этих элементов создать вновь фиалку: вот задача того, кто задумал переводить стихи (...) Передать создание поэта с одного языка на другой — невозможно; но невозможно и отказаться от этой мечты» [Брюсов 1987: 97].

Итак, каждый перевод уникален, это «чудо», возникающее вопреки каким-либо теоретическим предпосылкам. Вероятно, отсюда уже процитированная идея — уйти от теории и заменить переводоведение описанием различных эмпирических удачных практик

и кейсов («чудес»). Как видим, концепция относительности перевода может привести как к идее неперевода, так и к отказу от самой теории перевода. Отсюда и желание заменить теорию «корпусом наиболее удачных образцов», что в свое время предлагал В. Шлейермахер².

3. «Утопия переводимости» vs. «догма неперевода»: о понятии инварианта в переводе

Вышеобрисованная ситуация, когда теория говорит о невозможности перевода, тогда как на практике переводы осуществимы и регулярно воспроизводимы, может привести и к другому выводу. Вместо того, чтобы видеть в каждом переводе «неповторимое чудо», можно усомниться в адекватности, но не перевода, а описывающих его теорий. Понятна ирония авторитетного теоретика перевода:

«Теория неперевода» не оказала, разумеется, какого-либо влияния на переводческую практику, поскольку переводчики продолжали выполнять «невыполнимую» задачу. Однако эта теория была одним из препятствий на пути лингвистического анализа перевода» [Комиссаров 1999: 17].

Аргументация достаточно проста: если переводы выполнимы, то тем самым опровергается «теория неперевода». Но, помимо опровержения, требуется и сама теория «переводимости», но в ее роли оказалась... сопоставительная лингвистика:

«Изучение перевода ставит своей целью, в первую очередь, описание реальных переводческих фактов, т. е. носит дескриптивный, а не прескриптивный характер. Выяснив действительное соотношение единиц двух языков, возникающее в процессе перевода, теория перевода может затем вырабатывать рекомендации о том, какие методы целесообразно использовать переводчику, чтобы обеспечить правильный выбор варианта перевода» [Там же: 19].

В. Н. Комиссаровым было повторено то, что до этого в более мягкой форме было предложено Романом Якобсоном:

«И в практике, и в теории перевода предостаточно запутанных проблем, и время от времени делаются попытки разубить Гордиев узел, провозглашая догму неперевода... Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого лингвистического знака является его перевод в другой знак, особенно в такой, в котором, как настойчиво подчеркивал Пирс, этот тонкий исследователь природы знаков, «оно более полно развернуто». Отсутствие в языке перевода какого-либо грамматического явления отнюдь не означает невозможности точной передачи всей понятийной информации, содержащейся в оригинале» [Якобсон 1959/1978: 19].

Очевидно, что развитие подобного подхода приводит к тому, что теория перевода заменяется либо некой эмпирической сопоставительной лингвистикой — анализ реальных переводческих фактов отождествляется с выяснением действительного соотношения единиц двух языков, возникающее в процессе перевода,

² Ср. [Шлейермахер 1813/2002: 133]: «О каких бы методах перевода ни шла речь — о формальном или содержательном, о точном или изящном, все неизбежно сводится к двум вышеупомянутым; что касается их достоинств и недостатков, то точность и передача смысла, буквализм и полная свобода в рамках одного метода будут пониматься совершенно иначе, чем в рамках другого... Для ясности каждый из методов перевода можно было бы снабдить сводом правил и корпусом наиболее удачных образцов, которые можно было бы сравнить и оценить».

как в вышеприведенной формулировке Комиссарова, либо же, как в более абстрагированной версии самого Якобсона, становится разделом сопоставительного языкознания. Безусловно, и то и другое имеет достаточно солидные основания, но обладает ограниченным радиусом действия.

Так, опровергая «догму непереводимости», Роман Якобсон в заключении своей статьи тем не менее делает примечательную оговорку:

«...любые элементы вербального кода — противопоставляются, сопоставляются, помещаются рядом по принципу сходства или контраста и имеют свое собственное автономное значение. Фонетическое сходство воспринимается как какая-то семантическая связь. В поэтическом искусстве царит каламбур или, выражаясь более ученым языком и, возможно, более точным, параномазия, и независимо от того, беспредельна эта власть или ограничена, поэзия по определению является непереводимой. Возможна только творческая транспозиция, либо внутриязыковая — из одной поэтической формы в другую, либо межъязыковая — с одного языка на другой, и, наконец, межсемиотическая транспозиция — из одной системы знаков в другую, например, из вербального искусства — в музыку, танец, кино, живопись» [Там же: 24].

Как видим, Якобсон выделяет «непереводимые» сферы, для которых он даже создает новый термин «творческая транспозиция», что, видимо, должно пониматься как нечто отличное от собственно **перевода**. Примечательно, что типы этой «творческой транспозиции» полностью повторяют те, что были выделены им для перевода: это внутриязыковые, межъязыковые и межсемиотические. Таким образом, описанный Комиссаровым случай возможного установления межъязыковых связей — это пусть и распространенный, но лишь частный случай, возможный для определенного типа текстов, допускающих определенный тип перевода. Граница между двумя типами была очерчена еще Шлейермахером, предложившим зримый критерий: те случаи, когда все варианты переводов оказываются достаточно близки друг к другу и «при отсутствии грубых ошибок хороший перевод мало отличается от плохого» [Шлейермахер 1813/2000: 129]. Если использовать приведенную ранее мысль Ю. М. Лотмана о степени переводимости / непереводимости как характеристике текста, то это такие тексты, в которых степень переводимости максимальна, а непереводимость — минимальна. Современные исследователи даже называют противопоставляемому «доктрине непереводимости» концепцию «утопией тотальной переводимости», справедливо указывая, что ее приложения зачастую вместо адекватного решения проблем сами же их и создают:

«Ожидание тотальной переводимости, совмещенное с представлением о дискретном характере единиц, включенных в коммуникативный акт, парадоксальным образом приводит к осознанию коммуникативного пространства — как пространства, наполненного барьерами, границами и препятствиями. Неслучайно в работах о переводе, выполненных в структуралистском ключе, часто фигурируют “трудности перевода”, “проблемы перевода”, разыскиваются структурные эквиваленты в пределах двух языков» [Бочавер, Фещенко 2017: 10].

Понятие структурных эквивалентов в предпологается как фундамент теории переводимости — перевод и есть их соотнесение. Но при этом не поясняется, а что понимается под эквивалентностью. Доктрина переводимости активно использует заимствованное из теории информации понятие инварианта, на презумпции его наличия основывается само понятие перевода:

«Семиотическое определение значения символа как его перевод в другие символы находит эффективное приложение в лингвистических процедурах (testing) внутри- и межъязыкового перевода, и этот подход к семантической информации согласуется

с предложением Шеннона определять информацию как “то, что является инвариантом при всех обратимых операциях кодировки или перевода”, или, короче, как “эквивалентный класс всех таких переводов”» (перевод наш. — С. 3.) [Jakobson 1960/1971: 578].

Такой подход в дальнейшем был перенесен на значение и его теорию, близко к нему и понятие смысла в модели «Смысл-Текст», и глубинной структуры, понимаемой как инвариант при трансформациях (подробнее см. в [Пильщиков 2016: 203–204]). Здесь, однако, не место обсуждать проблему инварианта применительно к теории значения в общем языкознании — хотя поколебленные позиции подобного подхода в теории перевода не могут не воздействовать на его позиции как догмы и в лингвистике. Заметим, что перенос шенноновского понятия информации в теорию языкового перевода уместен лишь частично. Во-первых, в теории информации нет места понятию знака как единства означаемого и означающего: она оперирует сигналами. Во-вторых, в цитате из К. Шеннона говорится об обратимых перекодировках, что и позволяет говорить об их «эквивалентности» в строгом смысле — как взаимно-однозначном соответствии. Однако при асимметрии прямого и обратного перевода «эквивалентность» примет уже совсем иной вид. Кроме того, в отличие от математического понимания, лингвистическая информация зависит от контекста, и само понятие «инварианта» оказывается... вариативным и даже нерелевантным для перевода, поскольку оно отсутствует и в оригинале. Еще задолго до Клода Шеннона и Романа Jakobson, но как бы в полемике с ними представление об оригинале как о чем-то данном и неизменном было убедительно оспорено А. Федоровым [1927: 113–114]:

«Оригинал, действительно, есть задание, предстоящее переводчику и так или иначе выполняемое, но не есть твердая данность, конкретная материальная вещь... Нельзя приравнивать две системы — перевод и оригинал, и не только потому, что они принципиально не равны, но и потому, что мы не знаем самых приравниваемых величин. Оригинал не есть устойчивая, заранее определенная величина; перевод не есть один из аспектов оригинала, а так сказать, аспект аспекта этой многоликой системы, есть особое, каждый раз, осмысление системы подлинника, для оценки правильности или неправильности которого мы, быть может, критерия не имеем».

Сам Федоров впоследствии под воздействием доминирующих в современной ему лингвистике тенденций был вынужден несколько скорректировать свою позицию. Но эту же идею в настоящее время воспроизводит один из наиболее авторитетных историков и теоретиков перевода. Полемизуя с традиционной точкой зрения, что перевод есть процесс установления, выделения (establishment) инварианта в сообщении-источнике и его перенос через лингво-культурные границы в сообщение-перевод (target message), Венути пишет:

«Если коммуникация в переводе определяется как передача инварианта, не говорит ли сама необходимость выявить инвариант то, что перевод есть нечто большее и, возможно, иное, чем общение (communicate)? Исходное сообщение всегда интерпретируется и переизобретается, особенно в культурных формах, открытых для интерпретации, таких как литературные тексты, философские трактаты, субтитры к фильмам, реклама, документы конференций, юридические показания. Как же исходное сообщение может быть инвариантным, если оно проходит процесс “установления” применительно к “некоторому” языку и культуре? (How can the source message ever be invariant if it undergoes a process of “establishment” in a “certain” target language and culture?) Оно всегда реконструируется в соответствии с другим набором ценностей и всегда варьируется в зависимости от различных языков и культур» (перевод наш. — С. 3.) [Venuti 2000: 470].

4. Перевод как конструирование межязыковой эквивалентности

Как видим, несмотря на декларируемый отказ от теоретических «прескриптивных» допущений, догма переводимости также основывается на далеко не очевидных и даже спорных теоретических положениях. В первую очередь, укажем на неясность понятий инварианта и эквивалентности, полагаемых как не нуждающиеся в экспликации. В самом общем виде можно сформулировать как исходные предположения этой догмы: 1) между языками существуют эквивалентности; 2) при переводе сохраняется инвариантный компонент оригинала. И то и другое справедливо, но только в рамках определенных моделей, отражая еще те представления о переводе, от которых отталкивался Цицерон, противопоставляя механическую замену слов их *чеканке по образцу*³. Вопрос в том, как понимать отношения эквивалентности и инвариантности — или как нечто заданное и лишь эксплицируемое при переводе, или же как конструируемое и лишь после этого утверждаемое в языке.

Отказ от этих понятий привел бы к абсурдной ситуации. Если между двумя текстами невозможно установить отношение эквивалентности или же выделить некоторое смысловое ядро, которое можно считать инвариантом для них обоих, — то тогда нет возможности говорить ни о переводе, ни о его теории. Поэтому высказанные замечания должны привести к отказу не от самих понятий, а от их ригидных пониманий. Жестко задаваемые характеристики, исходящие из обратности перекодировок и наличия сохраняющегося при этом инварианта, а также возможности установления взаимно-однозначных соответствий между языками — эти положения могут быть заменены на нежесткие и допускающие достаточно высокую степень вариативности. Вариативность инварианта — этот оксюморон представляется нам более адекватным, чем понимание инварианта как чего-то заданного и неизменного. Сам текст-оригинал не содержит чего-либо, что можно назвать неизменным и не зависящим от контекста смыслом. Как нам кажется, можно уточнить сформулированную Пеэтером Торопом основную методологическую проблему антиномии между сингулярностью оригинала и множественностью его возможных переводов⁴. Если исходить из того, что семантика текста — динамическая, изменяющаяся в зависимости от контекста многомерная структура, то как перевод-эквивалент можно рассматривать не отдельный текст, а взятое как совокупность зафиксированное на другом языке множество отображений этой структуры (подробнее в [Золян 2013; 2016]). Тем самым само понятие инварианта оказывается контекстно-зависимым — это не извлекаемая из одного текста и непременно присутствующая во всех других характеристика оригинала, а та семантическая структура, которая связывает оригинал и тот или иной перевод. При разных переводах будет видоизменяться и инвариант. Возможно, так следует понимать парадоксальный тезис Вальтера Бенямина [2012]: «В своей последующей

³ Описывая свой опыт переводов с греческого, Цицерон не употребляет ни *transfere*, ни специально созданный им неологизм *convertere* [Robinson 1992: 26], а использует иные глаголы: *explicarem, redderem, exprimerem imutandi* — в русском переводе это, соответственно: *перелазать, передавать, чеканить по образцу*: «Позднее я нашел другой способ и пользовался им, став постарше: я стал перелазать с греческого речи самых лучших ораторов. Из чтения их я выносил ту пользу, что, передавая по-латыни прочитанное по-гречески, я должен был не только брать самые лучшие из общеупотребительных слов, но также по образцу подлинника чеканить кое-какие новые для нас слова, лишь бы они были к месту» [Цицерон 1972: 1.34.155] (курсив наш. — С. 3.).

⁴ «С онтологической точки зрения методология изучения перевода основана на том факте, что ни один перевод не является принципиально уникальным текстом, но представляет собой одну из многих возможностей воспроизведения оригинала. Таким образом, сингулярность оригинала контрастирует с множественностью его переводов» (перевод наш. — С. 3.) [Торор 2008: 255].

жизни — а она не могла бы так называться, если бы не была преобразованием и обновлением чего-то живущего, — оригинал претерпевает изменения. Вырастая в переводе, оригинал как бы поднимается в более высокую, более чистую языковую атмосферу». Тем самым инвариант есть некоторый модус контекстуальной взаимозависимости, которая для разных типов текста может принимать различные значения. Справедливость мысли Бенямина подтверждает наличие множественности переводов: так, произведения русской классики, как и любой другой, существуют в десятках переводах, причем это относится не только к поэзии, но и к прозе. Это положение можно продемонстрировать на куда более простых примерах. Так, оспаривая догму непереводаемости, Роман Якобсон приводит убедительные примеры тому, что если в языке перевода нет соответствующей лексической единицы, то она может быть создана — так в младописьменных языках народов Севера был переведен ряд русских слов⁵. Однако его же примеры показывают, насколько широко может пониматься «эквивалентность». Очевидно, что, скажем, *винт* и его перевод *вращающийся гвоздь* существенно отличаются как коннотациями, так и, используя выражение Бенямина, «способами производства значения». Для Вальтера Бенямина слова “Brot” и “rain” имеют одинаковое означаемое, способ же производства значения у них разный. Поэтому “Brot” для немца и “rain” для француза «значат не одно и то же, не являются взаимозаменяемыми и фактически стремятся к взаимоисключению» [Беньямин 2012]. А для Сергея Михалкова разница между словами *хлеб* и *Brot* предстает уже как экзистенциальный вопрос жизни и смерти⁶.

Антиномия между наличием / отсутствием эквивалентности может быть преодолена благодаря тому уточнению, что эквивалентности не столько заданы языком, сколько конструируются применительно к определенному тексту и контексту⁷. Примеры Якобсона являются именно конструируемыми эквивалентностями, при переводе русского *самолет* могли возникнуть и иные смысловые комплексы, нежели *летающий паролод*. Например, в восточноармянском с его ориентацией на русский язык *космонавт* передается калькой տիկիւրիւն, буквально *космосоходок*, но это же значение в западноармянском передается калькой с *астронавта*, буквально *звездодоходок*. В самом русском с *космонавтикой* конкурирует и *астронавтика*, и *звездоплавание*. Как видим, возможности языковой системы позволяют порождать целые классы различающихся отношений эквивалентности,

⁵ Ср.: «Весь познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке. Там, где отсутствует понятие или слово, можно разнообразить и обогащать терминологию путем слов-заимствований, калек, неологизмов, семантических сдвигов и, наконец, с помощью парафраз. Так, в недавно созданном литературном языке чукчей, живущих в Северо-Восточной Сибири, “винт” передается как “вращающийся гвоздь”, “сталь” — “твердое железо”, “жесть” — “тонкое железо”, “мел” — “пишущее мыло”, “часы” — “стучащее сердце» [Якобсон 1959/1978].

⁶ *Нет! — сказали мы фашистам, — // Не потерпит наш народ, // Чтобы русский хлеб душистый // Назывался словом «брот». // Мы живем в стране Советской, // Признаем язык немецкий, // Итальянский, датский, шведский // И турецкий признаем, // И английский, и французский, // Но в родном краю по-русски // Пишем, думаем, поем* (С. Михалков. Быль для детей).

⁷ Ср. [Ricoeur 2006: 38]: «Довели ли мы идею непереводаемого вплоть до ее логического заключения? Нет, так как мы решили тайну эквивалентности путем ее конструирования. Конструирование сопоставимого стало оправданием двойной измены» (перевод наш. — С. 3.). Примечательно, что известная итальянская поговорка *traduttore — traditore*, от которой отталкивался и Якобсон, и Малиновский, и, видимо, Рикер, на русский может быть переведена и как *переводчик — изменник*, и как *переводчик — предатель (передатчик)*. В обоих случаях внутренняя форма предиката, теряя пейоративное значение, неожиданно высвечивает существенные характеристики перевода, это передача и изменение содержания. Как видим, в русском переводе, хотя и теряется эффект паронимической аттракции, добавляются новые смыслы. В качестве попытки приближения можно предложить следующие варианты: ‘Передатчик — он предатель, изменяет, как изменник’, или же двусмысленное: ‘Передавая — изменяет, а изменив — передает’. Несоответствие обратного перевода оригиналу удовлетворит вышеприведенному критерию Ю. М. Лотмана.

и дело не только в том, что нет точных соответствий (если даже *Brot* не может считаться точным переводом *pain*), но и в том, что соответствий может быть больше одного. Учитывая потенциал языка, их нельзя задать списком, это скорее модель порождения эквивалентов, нежели набор возможных соответствий между двумя языками. Те соответствия, которые задаются двуязычными словарями, есть лишь фиксация наиболее стандартных схем порождения эквивалентов, и уже только после этого перевод оказывается средством экспликации этих схем в тексте.

Сказанное можно систематизировать, начав с простейших допущений. Предположим, что между языками соответствия существуют, и задача переводчика — найти их. Однако система любого языка предоставляет одновременно несколько возможностей. Переводчик ищет то из значений, которое больше подходит по контексту оригинала, и заменяет его единицей другого языка, при этом создавая на языке перевода соответствующий контекст. Однако сопоставляются между собой не отдельные слова, как это представлено в двуязычных словарях, а смыслы слова и актуализирующие их контексты — что скорее соответствует тому, как представлено слово в корпусной лингвистике. И если можно говорить о соответствиях между языками как о заданном отношении, то соответствие между контекстами может быть — не обойтись без тавтологии — только и только контекстуальным. Уже при таком самом упрощенном подходе эквивалентность выступает как некоторая операция отображения одного множества значений на другое. Некоторому смыслу, который принадлежит к множеству значений знака языка-оригинала, в зависимости от контекста сопоставляется другое множество значений, выражаемое знаком языка перевода, а также и тот контекст, благодаря которому актуализируется искомый смысл. (Уже само употребление слова *значение* в данном случае может послужить иллюстрацией к сказанному — в отличие от более привычных контекстов, позволяющих перевести слово *значение* либо как ‘value’ (значение функции), либо как ‘meaning’ (значение слова), приведенное выше требует одновременно и математического, и лингвистического контекста, и на английском может быть передано через некую искусственно созданную шалтай-балтайную конструкцию «value&meaning», созданную по образцу *слов-бумажников* кэрролловского персонажа⁸.) В других случаях автору приходилось, говоря об истинном значении предложения, использовать два билингвальных квазинеологизма: «*значение* (в смысле *value*)» и «*значение* (в смысле *meaning*)». Как видим, перевод относится к установлению соответствий и эквивалентностей, но не между словами, а между смыслами и реализующими их контекстами. В данном случае при переводе на английский или армянский или требуется отказаться от обоих возможностей и предложить третье решение, отсутствующее в языке (например, дать описание контекстов — *value of a function and at the same time meaning of a word*).

«Точное» значение не должно пониматься как «точечное». В силу многозначности и контекстуальной зависимости любой лексической единицы языка соответствует некий прерывный или непрерывный интервал смыслов, поэтому при межъязыковых семантических соответствиях типа «слово языка оригинала — слово языка перевода» невозможно установить взаимно однозначное поэлементное соответствие между отдельными точками⁹. Соответствие может пониматься скорее как функция, задаваемая на некотором интервале, что и приводит к созданию эквивалентности — внутри соответствующих контекстов слово перевода оказывается отображением того же смыслового отношения, что и слово оригинала

⁸ В переводе Н. Демуровой: «Это слово как бумажник. Раскроешь, а там два отделения! Так и тут — это слово раскладывается на два!»

⁹ Ср. «Если каждое слово одного языка имело бы точное соответствие в другом, выражая то же понятие в тех же обстоятельствах и сочетаниях, то есть если бы языки и впрямь отличались бы только по звучанию, то в области искусства и науки любой перевод, как устный, так и письменный, был бы столь же механическим, как в сфере деловых отношений, и о каждом переводе можно было бы сказать, что иностранный читатель воспримет произведение и автора так же, как читающий на исходном языке» [Шлейермахер 1813/2000: 129].

внутри собственного контекста. В некоторых случаях это отношение может совпадать с тем же отношением, которое существует внутри лексической системы данного языка, почему и не воспринимается как контекстно-обусловленное (например, *Brot* и *pain*). Отсюда и возникающая множественность возможных решений. Невозможно установить точные соответствия между лексическими единицами безотносительно к контекстам — поскольку в обоих языках каждая единица подвержена контекстуальным изменениям, и приводимые соответствия — это лишь соответствия между некоторыми наиболее частотными из них. Но и в этом случае речь идет о вос-создании эквивалентности, а не о ее механическом воспроизведении, значением-эквивалентом будет не отдельный смысл, а сама функция поиска и установления межязыковых соответствий. Как было отмечено Полем Рикером, «родство культур может маскировать истинную природу эквивалентности, она скорее *создается* при переводе, нежели *предполагается* им» [Ricoeur 2006: 35].

Еще один вопрос, нуждающийся в прояснении, — это характер соответствий между **смыслами**. Далеко не очевидно, что можно постулировать наличие некоторого универсального для всех языков множества смыслов, или означаемых, — все они являются компонентами определенной языковой системы и связаны внутри нее определенными отношениями с их означающими. Вне системы языка существуют референты (например, самолеты), тогда как соотносимые с ними смыслы, во-первых, не могут существовать без связи с означающим, во-вторых, эти означающие также вариативны — они взаимозаменяемы в определенных контекстах, но не во всех. Приводимый Якобсоном *летающий пароход* оказывается ближе к мифологическому воздушному кораблю, тогда как русское *самолет* — к скалочному ковру-самолету. С другой стороны, в русском ставшее метонимией самолета слово *борт* отсылает к *воздушному судну* (некий бюрократический аналог *летающего парохода*), а приземляются самолеты в *аэропортах*, пренебрегая возникающей денотативной несовместимостью. В армянском ինքնաթիռ (букв. ‘самолет’) и օդանավ (букв. ‘воздушный корабль’) функционируют параллельно. Как видим, если разграничивать «смыслы» и «денотаты», то утверждение Якобсона о том, что «познавательный опыт и его классификацию можно выразить на любом существующем языке» приложимо только к референтам.

Процесс перевода, за исключением редких случаев поэтического, рассматриваемый как замена знаков одного языка на знаки другого языка, игнорирует разницу между означающими. Парадоксальным образом наиболее точный способ — воспроизведение на ином языке не смысла слова, а самого слова как единства означающего и означаемого — рассматривается как не-переводимость, как свидетельство того, что в языке перевода нет соответствующего означаемого. Еще Александр Пушкин дважды воспроизвел в «Евгении Онегине» этот парадокс (ч. 8, гл. 8, XIV–XVI): *Она казалась верный снимок // Du comme il faut... (Шишков, прости: // Не знаю, как перевести.); Никто бы в ней найти не мог // Того, что модой самовластной // В высоком лондонском кругу // Зовется vulgar. (Не могу... // Люблю я очень это слово, // Но не могу перевести (...)).*

Пушкин, указав на неосуществимость перевода, заимствует слово, но и тут же дополняет его смысл своим словоупотреблением, почему оно уже не равно своему источнику. Заимствование — одно из важнейших направлений развития языка, но оно не рассматривается как перевод, поскольку с переводом связывают изменение означающего, тогда как при заимствовании приблизительно сохраняется фонетическая форма, но означаемое может значительно варьироваться. Впоследствии оба вышеприведенных слова вошли в русский язык, причем *vulgar* — в «обрусевшем» виде, приобретая морфологические характеристики прилагательного. Как видим, в языке создаются соответствующие означающие, и только тогда слово становится переводимым: *vulgar* — *вульгарный*, *comme il faut* — *комильфо*. Но при этом уже в современном русском смысл слова *вульгарный* лишь частично передает смысл пушкинского *vulgar* и потому не является переводом, поскольку словоупотребление Пушкина отсылает не к общеупотребительному русскому, а «к высокому лондонскому кругу».

Вместе с тем, как компенсацию неосуществимости задачи установления эквивалентности одновременно между означаемым и означающим, язык оставляет место для потенциальных слов, которые могут войти в его состав как заимствования. Это показывает, что перевод есть также и активный процесс словообразования, и это касается не только неологизмов. Если и используются существующие в языке знаки, которым придаются новые контекстуально обусловленные смыслы, в этом случае запускается процесс уже не морфологического, а семантического словообразования (как в случае самого слова *перевод*). Оригинал оказывается моделью порождения новых лексических единиц, это, как и было названо Цицероном, есть *чеканка по образцу*, с учетом того, что сам образец допускает множественность решений:

«Перевод не есть воспроизведение вещи, а создание чего-то нового — по образцу, дающему повод к переменному осмыслению, образцу не единому, а многоликому» [Федоров 1927: 114].

Перевод выявляет процесс создания смысла текста и вместе с тем активный процесс словообразования, который может принимать формы как семантического словообразования, так и морфологического (путем создания калек и неологизмов). Тем самым, установление межъязыковых соответствий — лишь частичная, возможно, наиболее видимая для аналитика составляющая перевода. Согласно емкой формулировке предложившего теорию контекстуального перевода Бронислава Малиновского,

«Реальный лингвистический факт — это не изолированное слово, а высказывание вместе с контекстом ситуации ⟨...⟩ Слова одного языка непереводимы на другой. Это касается как т. н. “цивизованных” (civilized), так и языков аборигенов (native), хотя чем сильнее различаются культуры, тем труднее найти эквиваленты ⟨...⟩ Перевод всегда должен быть воссозданием оригинала во что-то существенно иное. Это никогда не замена слово на слово, но всегда неизменно перевод целых контекстов ⟨...⟩ Перевод в точном смысле относится не только к различным языковым употреблениям, но часто к различным культурным реальностям, стоящим за словом. Переводимость слов или текстов между двумя языками есть не просто пере-налаживание (readjustment) вербальных символов, она обязательно должна быть основана на унификации культурных контекстов» (перевод наш. — С. 3.) [Malinowski 1935: 11–12; 14–15].

Безусловно, хотя и в несколько иной плоскости и с совершенно иными целями, продолжение контекстуализма Малиновского можно найти в концепции «радикального перевода» Уилларда Куайна.

5. Принцип неопределенности перевода и пределы «радикализма»

Под обложкой некогда знаменитого сборника прежде всего благодаря именно этим двум статьям вместе со статьей Якобсона была опубликована и исходящая из противоположных посылок статья Куайна о неопределенности (indeterminacy) перевода. У Куайна «неопределенность перевода» означает не «неточность» или даже невозможность приемлемого перевода, но множественность и несовместимость возможных теорий («manuals», «пособий», «руководств») при том, что возможно множество альтернативных переводов. Первоначально Куайн так объяснял понятие «неопределенность перевода»: это наличие различных теорий (manuals), каждая из которых «правильна», так как адекватно описывает речевую деятельность. Однако эти «руководства» несовместимы друг с другом — приемлемый, согласно одной теории, перевод может быть не эквивалентен другому, который также «приемлем», но уже в рамках другой теории:

«Руководства для перевода с одного языка на другой могут быть составлены различными способами; все они могут быть совместимы со всей совокупностью речевых диспозиций, но в то же время не совместимы друг с другом. В бесчисленном множестве случаев они будут различаться в том, что они предлагают в качестве соответствующих переводов предложений одного языка на предложения другого языка, которые не находятся одно к другому в отношении какой-либо удовлетворительной эквивалентности» [Куайн 1960/2000: 44].

Вследствие несовместимости этих теорий, мы не в состоянии указать, какой именно из переводов следует выбрать (какой из них «лучший»), если только не примем одну из альтернатив и не проигнорируем остальные. Предположение о единственности приемлемого перевода Куайн считает **абсурдом**, но неопределенность, по его мнению, этим не исчерпывается:

«Неопределенность, которую я имею в виду, радикальнее. Она состоит в том, что конкурирующие системы аналитических гипотез могут предписывать (...) в бесчисленных случаях резко различающиеся переводы — не просто взаимные парафразы, а переводы, каждый из которых исключается другой системой перевода» [Там же: 95].

Впоследствии Куайн [1987/2005: 43] счел необходимым уточнить: отсутствие перевода, признаваемого всеми теориями как приемлемый, не есть свидетельство тому, что не существует приемлемого перевода (пусть и некоторые из переводов отвергались бы в некоторых из теорий).

Указывая на существование различных теорий и критериев, Куайн тем не менее уходит от вопроса, как они могут соотноситься между собой. Вместо этого он переносит проблему в иную плоскость, выдвинув понятие «радикального перевода», предполагающего отказ от метаязыковой рефлексии, будь то опыт переводчиков, двуязычных носителей языка или обращение к словарям. Если значение не содержится в предложении¹⁰, то идеальной моделью «радикального перевода» оказывается ситуация «неизвестного языка», когда «переводчик» не владеет языком говорящего и вынужден понимать его путем непосредственного восприятия предметов и ситуаций, на которые указывает говорящий. В качестве своего рода посредника между языками выступают непосредственно наблюдаемые факты [Куайн 1960/2000: 45]. Чем дальше мы отдаляемся от ситуации непосредственного наблюдения, то, согласно Куайну, тем меньше оснований говорить об осмысленных критериях оценки и сравнения переводов.

Однако тезис о неопределенности перевода можно развить и в обратном направлении: не уходя от лингвистических составляющих, а находя им функциональные и структурные соответствия. Если отказаться от «радикализма» Куайна и допустить, что предложения тем не менее также содержат значения и эти значения хотя бы частично могут быть выражены посредством предложений другого языка, то вопрос вновь сведется к методам перевода и критериям его оценки. Другое дело, что следует отказаться, как от фикции, также и от идеи о единственности перевода, а также и от ее более слабой версии, предполагающей, что могут быть критерии, по которым из множества переводов можно будет выделить «лучший» — следует говорить только о степенях адекватности применительно к определенному набору контекстов и обстоятельств.

Предложенное выше рассмотрение инварианта как переменной соответствует характеру перевода как семиотической переменной, «протеизм» перевода находит соответствие в протеизме описывающих его теорий, и соответственно, их возможной несовместимости.

¹⁰ Ср. [Куайн 1987/2005: 42]: «Считалось, что переводом обладающего значением предложения является другое предложение, если оно обладает таким же значением. Как мы видим, это не так». (“A sentence has a meaning, people thought, and another sentence is its translation if it has the same meaning. This, we see, will not do”.)

«Радикализм», то есть непосредственное обращение к фактам и ситуациям, может оказаться и бесполезным, поскольку таковых, кроме лингвистических, может и не оказаться. Чтобы перевести на английский словосочетание *девятый вал*, вовсе не обязательно находиться в море во время бури, и даже если оказаться там, то это не поможет установить, какой вариант перевода правильнее: *ninth wave* или же *tenth wave* (оба они приводятся в двуязычных словарях). Оба могут быть рассмотрены как точный перевод инварианта, однако это будут различные инварианты. В одном случае единицей перевода будет слово, в другом — словосочетание (фразеологизм). Соответственно, нельзя определить, какой из них точнее, а какой вольнее. Переводя *девятый вал* как *tenth wave*, мы находим в английском точный эквивалент для понятия ‘самая высокая волна в серии волн во время шторма’. Но в то же время это вольный перевод, поскольку числительное *девять* передано как *десять*. Для сторонников так называемого «доместицирующего» перевода он будет точным, поскольку найден эквивалент, знакомый и понятный англоязычному рецепиенту. Однако он же будет неточным для сторонника т. н. «форейнизации» перевода — он не передает специфику русскоязычной картины мира. Как видим, этот незамысловатый случай демонстрирует, в точном соответствии с определением Куайна, несовместимость «руководств по переводу» и вытекающую из этого несовместимость критериев их оценки. Вероятно, потребуется еще одно пособие — показывающее, **какое из возможных выражений-переводов и при каких условиях** не является приемлемым. Так, в одном из описаний картины Айвазовского «*Девятый вал*» выражение переведено как *the ninth shaft* (<http://en.opisanie-kartin.com/description-of-the-painting-by-ivan-aivazovsky-the-ninth-wave/>), где *вал* ‘волна’ перепутано с *валом* ‘деталь машины’. Ошибочность такого перевода указывает на то, что предлагаемое Куайном обращение непосредственно к описываемой ситуации («радикальный перевод») также является существенным параметром. Если переводчик видит только текст и, не зная ситуации, переводит слово за словом, то он будет опираться на то, что в современном русском *вал* понимается скорее как ‘деталь машины, большая ось’, почему и перевод *the ninth shaft* вполне вероятен, но уже применительно к другому контексту, в котором, кстати, будут неприемлемыми уже переводы *the tenth shaft* или же *ninth wave*¹¹. Без обращения к референту, без куайновской **радикализации**, нет смысла говорить о правильности / неправильности словосочетания *девятый вал*, оно может быть переведено в соответствии со всеми значениями слова *вал* (‘волна’, ‘деталь машины’, ‘земляная насыпь’, ‘большое количество чего-либо’ и т. д., даже если не рассматривать возможность окказионализмов). Характеристикой подобной ситуации является именно **неопределенность**.

Однако к неопределенности приводит также и игнорирование языковых факторов. Попробуем перенести описанную Куайном ситуацию с «*Гавагаи*» в Русский музей. Предположим, что русскоязычный гид показывает посетителю картину Айвазовского и говорит «*Девятый вал*». Разумеется, не знающий русского посетитель не в состоянии понять, что имеет в виду гид, — картину, изображенных на ней людей, волны или солнце. Вероятно, в той же ситуации гид мог бы указать на картину и сказать «*Айвазовский*». В самом деле, два имени собственных, «*Девятый вал*» и «*Айвазовский*» стали метонимическими заменами друг друга. Предположим, что гид вначале говорит «*Айвазовский*», а затем «*Девятый вал*». Нетрудно множить возможные интерпретации, но в целом это демонстрирует, что «радикальный перевод», основанный на наблюдении и восприятии предметов и ситуаций, не будучи опосредованным языковыми структурами, не только не снимает неопределенность, но и сам генерирует ее. Если же считать, что словосочетание «*Девятый вал*» — это

¹¹ Считаю уместным привести тонкое замечание анонимного рецензента, углубляющее высказанное соображение: «Возможно, автору пригодится пример нумерологически мотивированного употребления этой идиомы в пушкинских примечаниях к “Евгению Онегину”: *Пора: перо покоя просит, // Я девять песен написал; // На берег радостный выносит. // Мою ладью девятый вал*. Здесь *девятый* не может быть переведен как *tenth (wave)*, поскольку числительное жестко мотивировано контекстом, и помимо метафорического значения, текст обыгрывает значение буквальное».

обозначение самой картины, а не того, что на ней изображено, то тогда непонятно, почему название — имя собственное — меняется при переводе на английский. Применительно к нашему случаю оригинал картины Айвазовского в Русском музее назван *The Ninth Wave* (http://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/18_19/zh_2202/index.php?lang=en), однако ее репродукцию Amazon предлагает купить уже под названием *Tenth wave* (без артикля) (<https://www.amazon.com/Tenth-Wave-Ivan-Aivazovsky-Print/dp/B0038HS9FA>). Даже если оба перевода будут приведены одновременно, один из них станет перифразой другого. Безусловно, они окажутся в различных статусах: например, один в основном тексте, другой в комментариях — как по каким-либо причинам отвергнутая возможность. Однако это демонстрирует, что одновременная актуализация нескольких возможностей¹² является скорее мета-описанием, нежели собственно переводом¹³. Это будет практической экспликацией теоретических положений о множественности и неопределенности переводов.

Но можно предположить, что, кроме двух несопоставимых пособий, есть еще и третье — описывающее, почему возможны, почему несопоставимы и в каком отношении дополняют друг друга два рассмотренных перевода русского *девятый вал*. Понятие неопределенности перевода Куайна указывает на два различных аспекта: один касается самого перевода и его множественности, второй — несопоставимости критериев его оценки. При этом «радикализм», непосредственное обращение к ситуации, минуя языковые структуры, порождает ту же неопределенность, что и игнорирующий экстралингвистическую ситуацию перевод языковых единиц исключительно на основе словарных соответствий.

Заключение

Отношение «быть переводом» есть результат установления некоторой эквивалентности. То, относительно чего устанавливается эквивалентность, задает аксиоматику соответствующих ей теорий перевода. Так, сам вопрос о том, что есть эквивалентность и какова создающая ее операция, может получить двоякий ответ: то ли это есть репликация уже имеющегося в языковой системе отношения, то ли это воссоздание нового отношения на основе имеющихся. Далее теории могут различаться и тем, относительно чего производится анализ, берется ли в качестве исходной категории слово или текст (оставим в стороне такие возможные доминанты, как лингвистический и экстралингвистический контекст). Тем не менее очевидна корреляция: **утопия переводимости** исходит из соответствий, устанавливаемых между словами, а **доктрина непереводаемости** — между текстами и контекстами. Взятая по отдельности, ни та ни другая не могут служить в качестве базовой, поскольку развитие внутренних положений приводит к существенным противоречиям. Невозможно и их непротиворечивое объединение. Однако они естественным образом дополняют друг друга до целого, благодаря чему взятые именно как взаимодополняющие описывают процесс перевода. Нельзя перевести текст, не переводя (и не изменяя) слов, а переведенные слова должны составить некоторый видоизмененный по сравнению с оригиналом текст. Употребленное П. Рикером в несколько иной связи выражение «двойная измена» перевода — невозможность передачи ни слов по отдельности, ни текста в целом — оборачивается двойной неадекватностью теории, если исходить только из одной из альтернатив. При этом следует учесть, что сами основополагающие для теории перевода

¹² Такой путь перевода «непереводимого» был предложен Б. Малиновским, когда в качестве перевода одновременно представлены четыре версии: 1) подстрочник, или буквальный перевод; 2) вольный перевод; 3) синтез вольного перевода и подстрочника, 4) детальный комментарий, или контекстуальная спецификация значения [Malinowski 1935].

¹³ Ср. ироничное замечание Д. Хаймса [1975: 42]: «Малиновский ясно видел необходимость анализировать значение в контексте, но на практике его метод сводился к бесконечному пересказу».

понятия «эквивалентность», «инвариант», «смысл» не столько заданы языковыми системами и правилами соответствия между ними, сколько конструируются на их основе; при этом допускаемая степень системной «заданности» и различного рода «внесистемности» также могут служить существенными характеристиками теории. Поэтому общая теория оказывается возможной только как некоторое семейство лингвистических, семиотических и герменевтических базовых теорий перевода, которые а) связаны между собой отношением фамильного сходства; б) ориентированы на адекватное описание определенного типа перевода и в) взаимно дополняют друг друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Автономова, Гаспаров 1969 — Автономова Н. С., Гаспаров М. Л. Сонеты Шекспира — переводы Маршака. *Вопросы литературы*, 1969, 2: 100–112. [Avtonomova N. S., Gasparov M. L. Shakespeare's sonnets — Marshak's translations. *Voprosy literatury*, 1969, 2: 100–112.]
- Беньямин 2012 — Беньямин В. Задача переводчика. Предисловие к переводу «Парижских картин» Бодлера / Пер. Е. Павлова. *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения*. Беньямин В. М.: РГГУ, 2012. [Benjamin W. The translator's task. An introduction to the translation of Baudelaire's "Parisian Scenes". Transl. by E. Pavlov. *Uchenie o podobii. Mediaesteticheskie proizvedeniya*. Benjamin W. Essay collection. Transl. into Russian.] URL: <http://kassandriion.narod.ru/commentary/11/ben.htm> (accessed on 2019-07-24).
- Бочавер, Фещенко 2017 — Бочавер С. Ю., Фещенко В. В. Концептуализация трансфера и перевода в современной лингвистике. *Слово.ру: балтийский акцент*, 2017, 8(3): 7–29. [Bochaver S. Yu., Feshchenko V. V. Conceptualization of transfer and translation in modern linguistics. *Slovo.ru: baltiskii aktsent*, 2017, 8(3): 7–29.]
- Брюсов 1987 — Брюсов В. Я. Фиалки в тигеле. *Сочинения*: в 2 т. Т. 2: Статьи и рецензии 1893–1924. Брюсов В. Я. М.: Художественная литература, 1987, 97–105. [Bryusov V. Ya. Violets in a casting pot. *Sochineniya*: In 2 vols. Vol. 2: Articles and reviews 1893–1924. Bryusov V. Ya. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1987, 97–105.]
- Витгенштейн 1958 — Витгенштейн Л. *Логико-философский трактат* / Пер. с нем. И. Добронравова и Д. Лахути. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Wittgenstein L. *Logisch-philosophische Abhandlung / Tractatus logico-philosophicus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1922. Transl. into Russian by I. Dobronravov and D. Lakhuti.]
- Гаспаров 1988 — Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм. (По неизданным материалам к переводу «Энеиды»). *Поэтика перевода*. Гончаренко С. Ф. (сост.). М.: Радуга, 1988, 29–62. [Gasparov M. L. Bryusov and literalism. A study of unpublished materials for a translation of *Aeneid*. *Poetika perevoda*. Goncharenko S. F. (comp.). Moscow: Raduga, 1988, 29–62.]
- Гаспаров 2000 — Гаспаров М. Л. *Записи и выписки*. М.: Новое литературное обозрение, 2000. [Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Notes and excerpts]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2000.]
- Золян 1988 — Золян С. Т. На полпути к вершине — о русских переводах Нарекаци. *Литературная Армения*, 1988, 6: 102–109. [Zolyan S. T. Half-way to the summit: On Russian translations of Grigor Narekatsi. *Literaturnaya Armeniya*, 1988, 6: 102–109.]
- Золян 2013 — Золян С. Т. Текстцентричная семантика и теория перевода. *Иностранные языки в высшей школе*, 2013, 25(2): 11–18. [Zolyan S. T. Textocentric semantics and translation theory. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*, 2013, 25(2): 11–18.]
- Золян 2016 — Золян С. Т. Текстцентричная семантика и теория перевода. 2: Семантика перевода как семиотическая переменная. *Иностранные языки в высшей школе*, 2016, 39(4): 45–55. [Zolyan S. T. Textocentric semantics and translation theory. Part 2: Semantics of translation as a semiotic variable. *Inostrannye yazyki v vysshei shkole*, 2016, 39(4): 45–55.]
- Золян 2017 — Золян С. Т. М. Л. Гаспаров и принцип относительности поэтического перевода. М. Л. Гаспаров. *О нем. Для него: Статьи и материалы*. Сост., предисл. М. Акимовой, М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017, 486–504. [Zolyan S. T. Mikhail Gasparov and the principle of relativity of poetical translation. M. L. Gasparov. *O nem. Dlya nego: Stat'i i materialy*. Akimova M., Tarlinskaya M. (comp.). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2017, 486–504.]

- Комиссаров 1999 — Комиссаров В. Н. *Общая теория перевода*. М.: ЧеРо, 1999. [Komissarov V. N. *Obshchaya teoriya perevoda* [General theory of translation]. Moscow: CheRo, 1999.]
- Куайн 1960/2000 — Куайн У. *Слово и объект*. Москва: Логос, Праксис, 2000. [Quine W. V. O. *Word and object*. Cambridge (MA): MIT, 1960. Transl. into Russian.]
- Куайн 1987/2005 — Куайн У. Еще раз о неопределенности перевода. *Логос*, 2005, 47(2): 32–45. [Quine W. V. O. Indeterminacy of translation again. *The Journal of Philosophy*, 1987, LXXXIV(1): 5–10. Transl. into Russian.]
- Лотман 1992 — Лотман Ю. М. *Культура и взрыв*. М.: Гнозис, 1992. [Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [Culture and explosion]. Moscow: Gnosis, 1992.]
- Лотман 2000 — Лотман Ю. М. *Семiosфера*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. [Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2000.]
- Пильщиков 2016 — Пильщиков И. А. Неполная переводимость как механизм познания и коммуникации. *Лингвистика и семиотика межкультурных трансферов. Методы, принципы, технологии*. Фещенко В. В. (ред.). М.: Культурная революция, 2016, 203–233. [Pil'shchikov I. A. Incomplete translatability as a mechanism of perception and communication. *Lingvistika i semiotika mezhkul'turnykh transferov. Metody, printsipy, tekhnologii*. Feshchenko V. V. (ed.). Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, 2016, 203–233.]
- Федоров 1927 — Федоров А. Проблема стихотворного перевода. *Временник отдела словесных искусств*. Вып. 2: *Поэтика*. Л.: Academia, 1927, 104–118. [Fedorov A. The problem of poetical translation. *Vremennik otdela slovesnykh iskusstv*. No. 2: *Poetika*. Leningrad: Academia, 1927, 104–118.]
- Федоров 1983 — Федоров А. В. *Основы общей теории перевода*. М.: Высшая школа, 1983. [Fedorov A. V. *Osnovy obshchei teorii perevoda* [Foundations of general theory of translation]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1983.]
- Хаймс 1975 — Хаймс Д. Х. *Этнография речи* / Пер. Ю. Д. Апресяна, Т. Н. Молошной. Новое в лингвистике. Вып. VII: Социоллингвистика. М.: Прогресс, 1975, 42–95. [Hymes D. H. The ethnography of speaking. *Anthropology and human behavior*. Gladwin T., Sturtevant W. C. (eds.), Washington (DC): Anthropology Society of Washington, 1962, 13–53. Transl. into Russian.]
- Шлейермахер 1813/2000 — Шлейермахер Ф. О разных методах перевода: Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. *Вестник МГУ, Сер. 9: Филология*, 2000, 2: 127–145. [Schleiermacher F. D. E. On different methods of translation. A lecture given at June 24, 1813. *Vestnik MGU, Seriya 9: Filologiya*, 2000, 2: 127–145.]
- Цицерон 1972 — Цицерон Марк Туллий. *Три трактата об ораторском искусстве* / Пер. Ф. А. Петровского, комм. М. Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. [Cicero Marcus Tullius. *Three essays on oratorical art*. Transl. into Russian by F. A. Petrovskii, notes by M. L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1972.]
- Якобсон 1959/1978 — Якобсон Р. О. О лингвистических аспектах перевода. *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Комиссаров В. Н. (ред.). М.: Международные отношения, 1978, 16–24. [Jakobson R. O. On linguistic aspects of translation. *On translation*. Brower R. A. (ed.). Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1959. Transl. into Russian.]
- Bartsch 2016 — Bartsch S. Roman literature: Translation, metaphor, and empire. *Daedalus*, 2016, 145(2): 30–39.
- Chesterman 2019 — Chesterman A. Consilience or fragmentation in translation studies today? *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 2019, 10(1): 9–20.
- Jakobson 1960/1971 — Jakobson R. Linguistics and communication theory. *Selected writings*. Vol. II: *Word and language*. Jakobson R. The Hague: Mouton, 1971, 570–579.
- Malinowski 1935 — Malinowski B. *Coral gardens and their magic*. Vol. 2: *The language of magic and gardening*. London: Allen & Unwin, 1935.
- Novokhatko 2016 — Novokhatko A. The use of the term ‘metaphor’ in Latin linguistic discourse before Quintilian. *Latinitatis rationes. Descriptive and historical accounts for the Latin language*. Poccetti P. (ed.). Berlin: De Gruyter, 2016, 395–409.
- Ricoeur 2006 — Ricoeur P. *On translation*. London: Routledge, 2006.
- Robinson 1992 — Robinson D. Classical theories of translation from Cicero to Aulus Gellius. *TextCON-Text*, 1992, 7: 15–55.
- Torop 2008 — Torop P. Translation and semiotics. *Sign System Studies*, 2008, 36: 253–258.
- Venuti 2000 — Venuti L. Translation, community, utopia. *The translation studies reader*. Venuti L. (ed.). London: Routledge, 2000, 468–488.